

**Фрагменты исторического синтаксиса
шугнанского языка
(комментарии к статье М.Е. Алексеева
«Именные словосочетания
в шугнанском языке»)**

Эдельман Д.И.

В статье рассматриваются некоторые словосочетания с существительными в шугнанском языке, представляющие интерес с точки зрения исторического синтаксиса иранских языков.

Ключевые слова: именное словосочетание, история языка, синтаксис, шугнанский язык, язык бурушаски, иранские языки

This article focuses on certain types of noun phrases (syntagms) in the Shughni language that provide information on the history of syntax in the Iranian languages.

Keywords: noun phrase structure, language history, syntax, Shughni language, Burushaski language, Iranian languages

Как известно, в современных иранских языках предложение членится на определенные синтаксические блоки, называемые в некоторых трудах синтагмами. Состав этих блоков и способы их организации по языкам неодинаковы, как неодинакова и аранжировка составляющих их компонентов в потоке речи и степень их спаянности.

Это касается, прежде всего, распределения значимых слов в блоке, например, порядка следования разных определений к одному и тому же определяемому имени или последовательности разных дополнений при глаголе. Кроме

того, служебные слова и частицы (в широком смысле этого термина), а также некоторые иные неударные или неполноударные элементы, входящие в блоки, тоже распределяются в определенном порядке по отношению к центральному слову или основе блока, соблюдая собственную аранжировку, индивидуальную для каждого языка. К таким элементам относятся энклитические местоимения (и ударные местоимения при вторичной энклизе), многие грамматические частицы, глагольная связка, компоненты сложногоименных глаголов (то есть сочетаний имени и глагола) и сложноевербальных (под последними имеются в виду парные глаголы или сочетания неличной формы одного глагола с личной формой другого, выражающие единое понятие), энклитические или во всяком случае неполноударные союзы, аффиксальные и полуаффиксальные морфемы, предлоги и послелого.

В каждом иранском языке определенный синтаксический порядок всех этих компонентов и их смысловая аранжировка, обеспечивающая этот порядок, несут большую синтаксическую информационную нагрузку, цементируя сам блок, маркируя его границы и высвечивая его функции в высказывании в целом. Эти же данные предоставляют богатый материал для исторического синтаксиса конкретного языка, свидетельствуя об относительной хронологии некоторых трансформаций, а также для сравнительно-исторического синтаксиса иранской языковой семьи.

В настоящей статье хотелось бы вернуться к рассмотрению фрагмента синтаксиса живого бесписьменного шугнанского языка, а именно к построению в нем именных словосочетаний, о которых в 1973 г. писал М.Е. Алексеев [1973]¹, и добавить

¹ Следует отметить, что эта статья, базирующаяся на материалах, собранных самим М.Е. Алексеевым — тогдашним студентом 3-го курса — в Памирской экспедиции кафедры структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 1969 г., написана была им совершенно самостоятельно. При этом уже тогда статья не носила характера ученической работы.

исторические комментарии к тем сочетаниям, которые кажутся наиболее интересными для изучения диахронических процессов в синтаксисе иранских языков.

Приведенная М.Е. Алексеевым в самом начале статьи общая схема именных словосочетаний «...показывает, во-первых, все потенциально зависимые от имени существительного слова, во-вторых, их взаимное расположение в линейной последовательности» [Алексеев 1973: 131 (35)]. Далее (стр. 131–136 (35–45)) им рассмотрены действительно все случаи именных сочетаний, как относительно простых, так и усложненных, с соответствующими иллюстративными примерами.

Для нас наибольший интерес представляют три типа сочетаний из рассмотренных М.Е. Алексеевым: 1) существительное + числительное (в разных вариантах); 2) существительное, обозначающее меру, количество + существительное со значением измеряемого; 3) существительное со значением части тела + местоимение.

1. Существительное + числительное

В шугнанском языке, как и в других языках Памира, равно как и в таджикском, персидском и многих других иранских языках, в сочетаниях существительного с числительным существительное следует за числительным и выступает в форме единственного числа, например, шугн. *pīnz gardā* ‘пять лепешек’, *cavōr sōl* ‘четыре года’ [Алексеев 1973: 136 (45)]. Такая форма существительного — явление относительно позднее и связано с развитием в этих языках категории единичного/общего. С полной или частичной утратой этими языками древней флективной именной парадигмы и тем самым большинства флективных падежных показателей

К сожалению, статья прошла не замеченной даже большинством специалистов по памирским языкам, поэтому представляем ее в настоящем издании как образец синтаксического анализа бесписьменного языка.

множественного числа форма единственного числа существительных в разных контекстах обозначает 1) «единичное» — единичный, отдельный предмет; 2) «общее» — видовое или родовое понятие данного предмета, совокупность, категорию соответствующих предметов [Расторгуева 1954: 537]. Одним из проявлений категории единичного/общего является способ оформления существительного в сочетаниях типа «числительное + существительное».

Как правило, эти сочетания в иранских языках продолжают древнюю последовательность «числительное + существительное», однако отношения между компонентами сочетания по языкам различны. В древнеиранских языках, при относительно свободном порядке членов предложения, в этих сочетаниях числительные обычно предшествовали существительным, причем последние выступали во множественном числе.

Позднее с закреплением порядка не только главных членов предложения, но и второстепенных при главных, т. е. с фиксацией позиций всех членов синтаксических блоков, связан и ряд процессов в синтаксисе и затем в морфологии иранских языков.

Так, большую роль сыграло закрепление позиции определения при определяемом и, в частности, фиксированная позиция определения относительно определяемого. В языках восточной группы и части северо-западной закрепились препозиция определения, что продолжило древнюю тенденцию к препозиции согласованного (качественного, адъективного) и генитивного (принадлежностного) определений, притом, что часть языков западной группы, наоборот, развила древние относительные обороты типа «дом, который отца», «дом, который большой», превратив их в изафетные конструкции типа «дом-Izaf отца», «дом-Izaf большой». Однако сочетания существительных с числительными сохранили прежний порядок компонентов с препозицией числительного существительному.

При этом в сочетании с числительными от двух и выше существительные в разных языках выступают в различных формах. В некоторых языках они могут выступать во множественном числе (в пашто, мунджанском, определенная группа существительных в согдийском языке и др.), в других — в единственном числе (существительные со значениями единиц времени и меры в согдийском языке, практически любые существительные в персидском, таджикском, дари, осетинском, памирских, ягнобском и других языках). В большинстве языков существительные выступают в прямом падеже или без дополнительного предложно-послеложного оформления (в пашто, персидском, дари, таджикском, мунджанском, памирских и др.), в отдельных языках — в косвенном падеже или с дополнительным оформлением (в осетинском, ягнобском, в ряде случаев в пашто и др.). Разные способы оформления имен в сочетаниях с числительными от «двух» и более в некоторых живых иранских языках разных ареалов могут быть обозначены в виде таблицы (в скобках указаны особые случаи оформления, оговариваемые в грамматиках). См. таблицу 1.

Таблица 1

	Множ.число	Ед.число	Прямая форма	Косвенная форма
пашто	+		+	(+)
мундж.	+		+	
перс.		+	+	
тадж.	(+)	+	+	
осет.	(+)	+		+
шугн.		+	+	
ягн.		+		+

Тем самым в разных иранских языках в одних предложениях (где имя выступает в прямом падеже) числительное является формально препозитивным определением к имени, в других

(с «косвенным» оформлением имени) определением предстает имя, а числительное выступает как главный компонент сочетания.

В языках, где широкое развитие получила категория единичного/общего и форма единственного числа может обозначать совокупное множество, имя в сочетании с числительным выступает в единственном числе. Другим языкам, где имя выступает во множественном числе, очевидно, категория единичного/общего не свойственна или не столь развита. Перебои в оформлении имен в данных сочетаниях (например, в пашто, осетинском, таджикском, памирских и др.) связаны с одушевленностью, эмфазой и другими содержательными и стилистическими основаниями (см., например, [Абаев 1949: 544]). В некоторых случаях, например, в согдийском языке из-за разрозненности текстов и принадлежности их к разным диалектам четкую систему установить невозможно, выявляются лишь некоторые общие закономерности, см. [Лившиц, Хромов 1981: 451–452].

Таким образом, построение шугнанских сочетаний «числительное + существительное» с препозицией числительного, единственным числом существительного и отсутствием «косвенных» показателей, — результат 1) унификации порядка слов в блоке, а именно — препозиции определения определяемому, в результате чего всё, что находится в препозиции к существительному, осознается как определение к нему; 2) далее — восприятия существительного как главного элемента в этой паре; 3) становления здесь категории единичного/общего. При этом сама препозиция числительного существительному унаследована из древнего состояния.

2. Существительное, обозначающее меру, количество + существительное со значением измеряемого предмета, вещества и т. п.

В шугнанском языке в таких сочетаниях, как правило, присутствует также числительное, а если мера одна, то числительное *уїw* 'один' или в усеченном виде (а также в функции

неопределенного артикля) *yī*. В подборе таких сочетаний М.Е. Алексеев поставил задачу определить, какое имя является главным элементом в словосочетании: название измеряемого или название меры. Ср. русские сочетания типа «(один) стакан воды», «два мешка муки» и т. д., где синтаксически главным предстает название меры, на что указывают род и число согласующегося с ним глагола: «(один) стакан воды был на столе», «(одна) чашка воды была на столе», «два мешка муки были на полу», «пять ведер картошки стояли в углу». Решение было остроумным: были подобраны примеры, где названия меры и измеряемого относились к разным родам, а род главного компонента согласовался с родом глагола (привожу примеры по статье [Алексеев 1973: 132–133 (39–40)], с незначительной правкой в транскрипции и глоссированием): *yī būjīn yōγj kunj-and vud* ‘один мешок муки в углу был’; *yī kuščak ħac divi-zibō-ndi vad* ‘один кувшин воды за дверью был’:

<i>yī</i>	<i>būjīn</i>	<i>yōγj</i>	<i>kunj</i>	<i>-and</i>	<i>vud</i>
один	мешок	мука	угол	-в	был
Num.	Subst.f.Sg.	Subst.m.Sg.	Subst.m.Sg.	Postpos.	Verb 3sg.m. pret.

<i>yī</i>	<i>kuščak</i>	<i>ħac</i>	<i>divi</i>	<i>-zibō-ndi</i>	<i>vad</i>
один	кувшин	вода	дверь	-позади-в	был
Num.	Subst.m.Sg.	Subst.f.Sg.	Subst.m.Sg.	Postpos.	Verb 3sg.f. pret.

Вывод: в отличие от русского языка, в шугнанском в таких сочетаниях главным словом является название не меры, а измеряемого предмета, в данном случае вещества. Это важно с точки зрения исторического синтаксиса шугнанского языка и возможности переосмысления роли компонентов данных сочетаний: для шугнанского языка с характерным порядком препозиции определения определяемому раннее закрепление названия меры в препозиции к названию измеряемого обусловило восприятие первого как определения и, следовательно, названия измеряемого — как главного слова в сочетании.

При этом к такому, казалось бы, простому, но нетривиальному выводу о главной роли названия измеряемого можно было придти только через большую предварительную экспериментальную работу.

Дело в том, что в шугнанском языке при наличии двух грамматических родов — мужского и женского, большинство шугнанских субстантивов не имеет формальных признаков рода, их родовая принадлежность выявляется синтаксически — соотносённостью с изменяемыми по роду указательными местоимениями, некоторыми прилагательными и формами прошедших времен некоторых непереходных глаголов. При этом особую трудность представляют существительные, обозначающие неодушевленные предметы: в этой группе распределение по родам обусловлено их семантикой, например названия веществ, понятий, абстракций и т. п., относятся обычно к мужскому роду, названия участков пахотной земли — к женскому и т. д. Однако это не жесткий закон, а тенденция, допускающая многие исключения. Поэтому обычно при описаниях шугнанского языка, как и других языков шугнано-рушанской группы, распределение существительных по родам бывает представлено списками и приблизительной характеристикой тех или иных семантических групп, см., например, [Карамшоев 1963: 96–98; Файзов 1966: 22–25]. К тому же имя, обозначающее единичный предмет, может быть мужского рода или женского, но при обозначении «общего», категориального, то есть совокупности таких предметов, то же слово фигурирует в мужском роде и единственном числе, например шугн. *diraxt* 'дерево' — женского рода, но в выражении типа «все деревья засохли» слово *diraxt* выступает в единственном числе, но в мужском роде (типа русск. «всё дерево посохло»). Здесь на категорию рода накладывается категория единичного/общего. Такая сложная картина обусловлена тем, что в шугнанском языке мы имеем результат наложения рефлексов индоевропейской системы трех родов на субстратную систему (по-видимому, языка

бурушаски) четырех семантических классов, где одно и то же слово может выступать в III или IV классе, в зависимости от оттенков значения, подробнее см. [Эдельман 1987: 288–290].

М.Е. Алексеев написал и опубликовал свою статью, когда еще не было шугнанского словаря, в котором род каждого существительного был бы зафиксирован (в работе И.И. Зарубина, на которую он ссылается в начале статьи как на источник транскрипции, род обозначен только у одного существительного: *ҳас* ж.р. ‘вода’ [Зарубин 1960: 271]), поэтому всю предварительную работу по определению рода каждого существительного при рассмотрении таких сочетаний ему пришлось проделать самому, ставя соответствующие эксперименты.

3. Существительное со значением части тела + местоимение

В статье М.Е. Алексеева отмечено, что при общем правиле, согласно которому предлог не вклинивается между препозитивным определением к существительному и самим существительным, имеются отклонения в ряде сочетаний, главным образом, в сочетаниях с названиями частей тела. См. приводимые примеры [Алексеев 1973: 136 (44)] (при некотором уточнении транскрипции и глоссировании): *tu ba uδδ* ‘в моей памяти’, *xu pi γév* ‘себе в рот’, *wi pi tanā* ‘на его теле’:

<i>tu</i>	<i>ba</i>	<i>uδδ</i>
мой	в	память
Pron.pers.1.Sg.Obl.	Prep.	Subst. Sg.
<i>xu</i>	<i>pi</i>	<i>γév</i>
свой / себе	в, на	рот
Pron.reflex.	Prep.	Subst.f.Sg.
<i>wi</i>	<i>pi</i>	<i>tanā</i>
его	в, на	тело
Pron. dem. III ser.Obl.	Prep.	Subst.m.Sg.

Из этих примеров видно, что речь идет о синтаксическом проявлении так называемой «скрытой» категории отторжимой/неотторжимой, или отчуждаемой/неотчуждаемой, принадлежности.

Эта категория, имеющаяся во всех языках шугнано-рушанской группы, как и во многих других иранских (и не только) языках, выражается в обычном употреблении названий частей тела, терминов родства, а также таких не отделимых от человека понятий, как «память», «разум», «сон» и т. п., с определением по принадлежности (чаще всего — местоимением). В языках шугнано-рушанской группы (кроме сарыкольского) названия частей тела, понятий типа «сон», «память» и пр. получают дополнительное синтаксическое оформление в виде необычного места предлога, относящегося к имени. Например, в шугнанском языке, при обычном построении типа *tar mi bōy* 'в моем саду' (*bōy* 'сад' — термин отчуждаемой принадлежности), в этих сочетаниях принят порядок: *mi tar dust* 'в моей руке', *mi ba yōd* 'в моей памяти' (*dust* 'рука', *yōd* 'память' — термины неотчуждаемой принадлежности).

Такая необычная постановка предлога в конструкциях с терминами неотчуждаемой принадлежности объясняется тем, что в более раннюю эпоху в общешугнанском праязыке, как и в других языках ареала (пашто, йидга, ормури, в нуристанских языках), эти термины употреблялись с обязательными местоименными энклитиками принадлежности, и все сочетание в целом имело вид **mana antar dasta-mai* '(у) меня в руке-моей', букв. 'моя в рука-моя'. Остальные имена выступали либо с препозитивными определениями, типа «в моем саду», либо с энклитиками «в саду-моем». Такой порядок компонентов сохранился после ухода энклитик (которые в памирских языках перешли частично в разряд личных показателей глаголов в прошедших временах), в результате чего в сочетаниях с названиями частей тела предлог остался между определением и определяемым. Обязательность же энклитик в прошлом при именах неотчуждаемой принадлежности,

даже в условиях наличия самостоятельного местоименного определения, по-видимому, явилась субстратным наследием, ср. обязательные принадлежностные проклитики при аналогичных терминах в языке бурушаски: *ǰa a-riŋ-ulo* 'в моей руке', букв. 'моя моя-рука-в', *ūŋe gu-riŋ-ulo* 'в твоей руке', букв. 'твоя твоя-рука-в'. Раннее иранское сочетание типа **mana antar dasta-mai* явилось как бы калькой сочетания бурушаски *ǰa a-riŋ-ulo* 'в моей руке', с препозитивным определением иран. **mana*, буруш. *ǰa* 'мой' и зеркальным отражением иран. **antar dasta-mai* букв. 'в рука-моя' — буруш. *a-riŋ-ulo* 'моя-рука-в' [Эдельман 1984: 36–41; 1987: 299–300; 1990: 177–178].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что четкий анализ шугнанских именных словосочетаний, содержащийся в статье М.Е. Алексеева [1973], не только не устарел, но и стимулирует дальнейшее изучение синтаксиса современного шугнанского языка, например аранжировку служебных слов (в частности, двух и более послелогов при одном существительном), частиц (в широком смысле этого термина), проклитических и энклитических (неударных и неполноударных) элементов в составе блока и т.п. и, разумеется, строения предложения в целом. Особого внимания требует и исторический синтаксис шугнанского языка, содержащий ключ к пониманию истоков некоторых современных процессов в синтаксисе и морфологии.

Список литературы

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. Москва–Ленинград, 1949.

Алексеев М.Е. Именные словосочетания в шугнанском языке // Народы Азии и Африки. 1973, № 6. С. 131–136. (Статья приводится в настоящем издании на с. 35–45.)

Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. Москва–Ленинград, 1960.

Карамшоев Д. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе, 1963.

Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. Редколлегия: *В.И. Абаев, М.Н. Боголюбов, В.С. Расторгуева.* Москва, 1981. С. 347–514.

Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка // Таджикско-русский словарь. Под ред. *М.В. Рахими и Л.В. Успенской.* Москва, 1954.

Файзов М. Язык рушанцев Советского Памира. Душанбе, 1963.

Эдельман Д.И. К субстратным явлениям в синтаксисе иранских языков // Вопросы диалектологии и истории языка. Душанбе, 1984. С. 34–41.

Эдельман Д.И. Шугнано-рушанская языковая группа // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. Отв. ред. *В.С. Расторгуева.* Москва, 1987. С. 236–347.

Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Морфология. Элементы синтаксиса. Москва, 1990.

Эдельман Джой Иосифовна
Институт языкознания РАН
joy.edelman@gmail.com